

М. И. Чернышева, *Москва*
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
chernysheva@bk.ru

«ЗЕЛЕНый КАМЕНЬ» А. БЛОКА В КОНТЕКСТЕ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

На примере стихотворения А. Блока «*Я — меч, заостренный с обеих сторон...*», построенного на отсылках к Апокалипсису и, отчасти, к Книге пророка Исаяи, показана связь ключевого символического образа этого стихотворения — «зеленого камня» — с используемыми русскими символистами традиционными представлениями, которые изначально существовали в средневековой греко-византийской и славяно-русской письменности. Понимание внутреннего смысла стихотворения достигается благодаря рассмотрению отдельных членов средневековой понятийной системы, а также установлению внутренней связи стихотворения Блока с пушкинским «Пророком».

Ключевые слова: поэзия, А. Блок, русский символизм, средневековая литература, славяно-русская письменность.

Один из самых непростых вопросов, возникающих при чтении сочинений русской литературы, — это вопрос об идентификации названий камней и, конечно, об их смысловой нагрузке, — особенно, если это касается поэтического произведения.

Попробуем понять, что стоит за дважды упомянутым «зеленым камнем» в стихотворении А. Блока:

*Я — меч, заостренный с обеих сторон
Я правлю, архангел, Ее Судьбой.
В щите моем камень зеленый зажжен.
Зажжен не мной, — Господней рукой.*

*Ему непомерность мою вручу,
Когда отыду на вечный сон.
Ей в мире оставлю мою свечу,
Оставлю мой камень, мой здешний звон.*

*Поставлю на страже звенящий стих.
 Зеленый камень Ей в сердце зажгу.
 И камень будет Ей друг и жених,
 И Ей не солжет, как я не лгу.*
 Александр Блок. Июль 1903

* * *

Религиозные коннотации (... *камень зеленый зажжен...* — *Господней рукой*) сопутствуют мистико-символическому ореолу этого произведения.

Совершенно очевидно, что стихотворение включает аллюзии на Апокалипсис.

Поэт говорит от имени архангела: *Я правлю, архангел, Ее Судьбой...* Четыре архангела, согласно традиции, соотносятся с четырьмя всадниками Апокалипсиса (Апок. 6, 2–8).

«*Я — меч, заостренный с обеих сторон*»... — это обоюдоострый меч Апокалипсиса: «Из уст Его выходил острый с обеих сторон меч» (Апок. 1, 16), «Так говорит Имеющий острый с обеих сторон меч...» (Апокал. 2, 12). По мнению толкователей Священного Писания, он указывает на борьбу Христа с врагами. А византийский богослов Андрей Кесарийский полагал, что обоюдоострый меч — духовное оружие внутренней борьбы. Идея борьбы продолжается в следующей строке, когда возникает *щит*. Вместе с тем, он, обладая плоской поверхностью, может соотноситься со стеной Небесного Иерусалима из Апокалипсиса и с ее «зеленым камнем».

* * *

Теперь попробуем понять, какой же смысл заключен в этом камне: «*В щите моем камень зеленый зажжен*»... «*Зеленый камень Ей в сердце зажгу*».

Русский символизм, как известно, так или иначе связан с символикой, восходящей к ближневосточной и христианской традиции. Вполне правомерно, таким образом, обратиться к ее носителю и хранителю — средневековой греко-византийской и древнерусской литературе.

Очевидна связь «зеленого камня» с библейскими контекстами описаний драгоценных камней: в напернике иудейского первосвященника (Исх. 28: 17–21; Исх. 39: 10–14 — в Септуагинте: Ех. 36, 17–20) и в стене Небесного Иерусалима (Апок. 21: 18–21). Считается, что

в украшение стены Небесного Иерусалима входят те же камни, что находились в наперснике иудейского первосвященника.

Зеленых камней в этих описаниях два: загадочный камень *яспис* и *изумруд* (*измарагд*, *смарагд*).

Яспис (загадочный камень)

Загадочным он назван потому, что существуют самые разнообразные предположения, касающиеся его идентификации с известными нам драгоценными камнями.

Название *яспис* происходит от греч. ἵασπις (< ἰάσις ‘исцеление’), евр. *яшпех*.

В наперснике иудейского первосвященник это третий камень второго ряда наперсника (Исх. 28: 17; Исх. 39: 11), а также камень стены и первого основания Небесного Иерусалима (Апок. 21: 18).

Обратим внимание, что *яспису* (ἵασπις) в Синодальном переводе Библии в стене Небесного Иерусалима соответствует *алмаз*¹, хотя в соответствующем месте описания наперсника первосвященника — *берилл*².

Знаменитый русский геммолог И. М. Пыляев писал, что теологи соотносят яспис с алмазом, опираясь на мнение Иоанна Богослова, уподоблявшего жизнь Богочеловека чистоте и безукоризненности цвета ясписа [Пыляев 1888: 381].

Русскому названию ясписа соответствует *яшма*, еще один камень зеленого цвета. Согласно данным, размещенным в Википедии: «В древности под яшмами понимали прозрачные цветные (преимущественно зеленые) халцедоны»³.

По другой версии, ясписом могли называть молочно-белый опал с искорками синего и красного цвета или непрозрачный кварц розового цвета⁴.

---

¹ Согласно современным сведениям, окраска алмазов может быть желтой, зеленой, голубоватой и синей (другие оттенки встречаются достаточно редко): Энциклопедия «Мир бриллиантов» <http://www.diamanters.ru/color.htm> (дата обращения 23.03.24. 19:56)

² Окраска берилла имеет различные оттенки голубого, голубовато-зеленого, желтого (другие оттенки — редки) <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BB%D0%BB> (дата обращения 23.03.24. 20:12).

³ <https://ru.wikipedia.org/wiki/Яшма%D0%AF%D1%88%D0%BC%D0%B0> (дата обращения: 21.04.24).

⁴ <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/slovar-nustrema/661> (дата обращения: 21.04.24).

Сначала обратимся к греческим знаниям о цвете ясписа в нагруднике иудейского первосвященника, которые так или иначе повлияли на славяно-русские представления об этом камне.

Епифаний Кипрский (ум. 403 г.), один из ранних Отцов Церкви, посвятил описанию 12 камней в нагруднике иудейского первосвященника целое сочинение «О камнях» [Eriph.: 293–304]. Он поведал о разнообразной цветовой гамме ясписа: «Он с виду похож на смарагд (τῷ εἶδει σμαραγδίζων) ... подобно смарагду он зеленоват (κατὰ τὴν σμάραγδόν ἐστι χλωρίζουσα), но тусклее и темнее его. И внутри он зеленый (χλωρός), напоподобие медной ржавчине с прожилками в четыре ряда» [Eriph.: 297].

Епифаний сообщил также, что еще бывает «яспис более нежный (χαυνότερα) и белый (λευκότερα), и не очень блестящий, однако не лишенный блеска, то есть подобный льду на воде (κρυστάλλου ὕδατι ὁμοία)». «Другой же яспис не очень блестящ (οὐ λάνυ λάμλουσα), зелен (χλωρά); он имеет линии посередине». И, наконец, Епифаний говорит о древнем белоснежном ясписе: «И иной есть яспис, так называемый древний, который подобен или снегу (χιόνι), или морской пене (ἀφρῶ θαλάσσης)» [там же].

Возвратимся к идентификации ясписа с алмазом. У Епифания Кипрского есть отдельное описание алмаза (адаманта) [Eriph.: 301–304; Епиф. Кипр.: 279–282⁵]: «Камень алмаз по цвету сходен с воздухом. Его носил первосвященник, когда он входил в Святая Святых... Он [т. е. алмаз — М. Ч.] тогда полагался на груди первосвященника, когда он облакался в поддир, а сверху поддира надевал верхнюю ризу (эпомиду)... А с правой и с левой стороны повыше сосцов, где пришиты были два щитка, свешивались два смарагда. Посередине же их было явление⁶, которое было ничто иное, как упомянутый алмаз, уподоблявшийся воздуху по цвету».

В славяно-русской традиции совершенно утеряно представление о соотношении ясписа с разными видами камней и неким «древним ясписом».

⁵ Далее русский перевод приводится по этому изданию.

⁶ Здесь издатели перевода сочинения Епифания дают примечание: «Евр. урим (אֲרִימִם) название, доселе служащее предметом спора между толкователями. По словопроизводству от אָרָם — светить, оно значит: световые явления, откровения и относится к тому высокому праву ветхозаветного первосвященника — вопрошать Господа, получать от Него и давать людям ответы, о котором было говорено выше. Св. Епифаний объясняет дело ближе к материальной его стороне, следуя толкованиям некоторых раввинов».

Так, в выборке из трактата Епифания, находящейся в «Симеоновом сборнике», именуемом в древнерусской письменности Изборником Святослава 1073 г., сохранилось название камня, указание на его зеленый цвет и место добычи: *наспись оузелень есть* (τῷ εἶδει σμάρραχδίζων... κατὰ τὴν σμάρραχδόν ἐστὶ χλωρίζουσα)... [Изб.Св. 1073 г.: л. 153а]. Этот текст входит также в Сборник преп. Кирилла Белозерского XV в. [Сб.Кир.-Б.м.: 128 (л. 190 об.)].

Древнерусская Толковая Палея 1406 г. также включает представление о зеленом цвете ясписа: *аспись оубо зеленъ кс<ть>* [Палея Толк.: л. 138 об.]. Здесь приводится еще символическое уподобление ясписа Завулону, шестому сыну Иакова, что не соответствует свидетельству Епифания Кипрского, где «*Неффалим — яспис, Завулон — хризолит*» [Ephr.: 304].

В Изборнике Святослава 1073 г. есть еще указание на лечебные свойства ясписа, полезные при эпилепсии: *трѣбѣ же ксть въ кпипанпскѣ* ... [Изб.Св. 1073 г.: л. 153б], которое отсутствует в греческом оригинале Епифания, но оно сохранилось в рукописи русского Алфавита XVII в. [Алф.: 96 об.]: *Иаспис есть именем камень честен, видом зелен... трѣбѣ же есть во епилисесѣ* [СлРЯ XI–XVII вв., 5: 53]⁷.

Теперь обратимся к описанию ясписа в изображении стены Небесного Иерусалима. В славяно-русской письменности оно находится в переведенном с греческого языка «Апокалипсисе» с толкованиями Андрея Кесарийского [Andr.Caesar.], сохранившемся в древнерусском списке XIII в. [Апокал.].

Андрей (Кесарийский), архиепископ Кесарии Каппадокийской (VI–VII вв.), опираясь, по его собственному признанию, на указанное выше сочинение Епифания Кипрского, предложил свое понимание всех двенадцати камней Небесного Иерусалима в «Апокалипсисе» и дал им символические толкования [Andr.Caesar.: 433–437; Апокал.: лл. 100–101 об.].

Ясписом Андрей Кесарийский, как и Епифаний, считал некий зеленый камень, подобный изумруду. Исходя из этого, Андрей Кесарийский предлагал два символических толкования ясписа. Первое толкование — это указание на вечную жизнь Святых («*построение стены из ясписа показывает... всегда цветущую и неувядаемую жизнь*

⁷ Описание наперсника иудейского первосвященника есть еще в славянском переводе «Хроники» Георгия Амартола, где форма *аспиди* [Хрон. Г.Амарт.: 43] и в первой редакции «Александрии»: *испись* [Александрия: 39] — второй камень второго ряда наперсника.

Святых» [Апокал.Толк.: 188⁸), в славянском переводе: **аспь зеленек и неовѣдающеѣк житіеѣ сказаѣтъ сѣтѣхъ** (τὴν ἀειθαλῆ καὶ ἀμάραντον ζωὴν τῶν ἁγίων [Апокал.: л. 100]). Обратим внимание, что здесь отсутствует свидетельство о зеленом цвете ясписа, которое есть в греч.: διὰ τῆς ἰάσπιδος χλωρίζουσης τὴν κατὰ τὴν σμάρραγδον εἰκὸς τὸν κορυφαῖος Πέτρον δηλοῦσθαι «*ясписом по цвету (подобно смарагду, зеленоватым) правдоподобно обозначен Верховный Петр*». Как видим, вторая символическая часть содержит соотнесение ясписа с апостолом Петром: аспь же Петра сказаеъ . како мъртвость (τὴν νέκρωσιν) **Хѣоу на тѣлѣ свокѣмъ носи а неовѣдѣтъшо** (τὸ ἀειθαλὲς καὶ νεάζον) **вѣроу к Немоу носи и гавлаше**; в греческом оригинале несколько иначе: «[Яспис подразумевает Петра], *носившего в теле мертвость Христову, показавшего непрестанно цветущую и неувядаемую к Нему любовь и теплою верою наставившего нас на место злачное* [т. е. зеленеющее — М. Ч.] (εἰς τόπον χλόης)» [Andr.Caesar.: 433].

Еще раз *яспис* упоминается в Апокалипсисе (Апок. 21, 11) в изображении сияющей Славы Божией Небесного Иерусалима: «... *святой Иерусалим, который нисходил с неба от Бога. Он имеет славу Божию* (τὴν δόξαν τοῦ Θεοῦ). *Светило* (ὁ φωστῆρ) *его подобно драгоценнейшему камню* (λίθῳ τιμιωτάτῳ), *как бы камню яспису кристалловидному* (ὡς λίθῳ ἰάσπιδι κρυσταλλίζοντι)».

Изумруд (измарагд, смарагд)

Второй камень, цвет которого никогда не вызывал сомнений, — **изумруд** «*заимств. через тур. zümrüt... также перс.-араб. zimurrud из греч. σμάρραγδος*» [Фасмер II: 123], **измарагд, смарагд** — от греч. σμάρραγδος, евр. *барекет* — драгоценный камень ярко-зеленого цвета, который входил в первый ряд наперсника иудейского первосвященника и был четвертым камнем Небесного Иерусалима.

В Апокалипсисе еще сказано, что радуга вокруг Божественного престола видом была подобна смарагду (Апокал. 4, 3).

В своем трактате о драгоценных камнях Епифаний Кипрский заметил, что смарагд называют также «зеленым камнем» (λίθος σμάρραγδος. οὗτος καλεῖται καὶ πράσινος), он поведал о разных видах этого камня [Eriph.: 296]. В другом месте трактата Епифаний снова повторил, что смарагд в Священном Писании может иначе называться

⁸ Описание камней см.: [Апокал.Толк.: 188–191]. Далее перевод приводится по этому изданию.

«зеленым»: αἱ Θεῖαι Γραφαὶ τὰ ὀνόματα ἐτέρως μετελοίησαντο ὡς τὸν σμάραγδον πράσινον [Epirh.: 300].

Напомним, что у Епифания Кипрского в упомянутом выше описании адаманта (алмаза) приводятся сведения о том, что этот камень, являвший Божественную волю, находился между двумя смарагдами.

Важным представляется соотнесение смарагда с Левием, одним из родоначальников священнослужителей как проводников Божественной воли⁹.

Славяно-русская традиция описания смарагда представлена в Изборнике Святослава 1073 г. во фрагменте, содержащем выборку из трактата Епифания Кипрского, где говорится о его зеленом цвете: *змарагдъ зеленъ оубо ксть* (λίθος σμάραγδος... ἔστι δὲ καὶ χλωρὸς τῷ εἶδει).

Обратим внимание на указание, касающееся способности (повидимому, отполированного) изумруда к зеркальному отражению: *и сила же юго ксть лице видѣти въ немъ* (ἡ δύναμις τοῦ λίθου... πρὸς τὸ ἐνολτρίξεσθαι πρόσωπον) [Изб.Св. 1073 г.: л. 152 об.]¹⁰.

В «Толковой Палее» (при почти полном совпадении с этим описанием — добавлено: *измарагдъ зеленъ ксть ... и свѣтѣль*) и расширена мысль об отражении лица на поверхности изумруда: *«он светел настолько, что в нем, как в зеркале, отражается человеческое лицо» — юже лице члвчскоє видѣти в нем акы в зеркалѣ* [Палея Толк.: 274 (л. 137 об.)]. В «Толковой Палее» этот камень уподобляется Левию, «святителю священнического чина», здесь приводится своеобразное объяснение феномена отражения: *юже и лица члвчскаго не стыднѣтъсь имь подовакѣтъ* «*поскольку им* [т. е. священнослужителям — М. Ч.] *не подобает стыдиться человеческого лица*». В. Мильков и игумен Тихонт (Полянский), комментаторы издания Толковой Палеи 2012 г., понимают это как «аллегория предстояния священнослужителей за людей перед Богом и ... принятия ими на себя грехов кающихся» [Палея Толк. 2012: 591]¹¹.

⁹ После событий, описанных в библейской Книге Исход (Исх. 32, 26), «колени Левины» было избрано на высокое дело отправления священнических обязанностей.

¹⁰ Абсолютно тождественный текст находится в Сборнике преп. Кирилла Белозерского XIV–XV вв. [Сб.Кир.-Б.м.: 127 (л. 190 об.)].

¹¹ Комментарий № 924 к с. 349 издания. Далее: «Редкий случай, когда основанием для уподобления служит свойство камня, а не характеристика патриарха».

Андрей Кесарийский в толкованиях на «Апокалипсис» говорит о зеленом цвете смарагда (διὰ τοῦ σμαράγδου χλωροῦ τυγχάνοντος). Однако текст в славянском переводе сильно изменен по сравнению с греческим оригиналом, сохранено только символическое указание на Евангелиста Иоанна — так измарагд назван по причине его «*многочестной светлости словесной благодати*»: *измарагдъ... многочѣстною свѣтлостью ... словесныа бл҃гдти* [Апокал.: л. 100 об.].

Появление идеи отражения («*как в зеркале*») при описании измарагда ведет нас к символике зеркала, которое в Средние века включало в себя представления о совести как «душевном зеркале», то есть внутреннем «отражении» скрытой истины [Чернышева 2016]. И сам визуальный образ зеркала мог использоваться в качестве знака непроизносимой, произнесенной или скрытой правды¹².

* * *

Оба зеленых камня — и яспис, и изумруд (смарагд, измарагд), — как совершенно очевидно, являются носителями сакрального смысла.

«*Зеленый камень Ей в сердце зажгу*» — знак обручения с Вышним миром, поскольку: «...камень будет Ей друг и жених». Здесь снова возникает контекст Апокалипсиса (21, 2): «И я, Иоанн, увидел святой город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный как невеста, украшенная для мужа своего».

А идея «зеркальности» «зеленого камня», способного отражать и таким образом открывать истину, явлена в фразе: «... камень... Ей не солжет, как я не лгу».

Многомерность сакральной символики этого стихотворения с его библейскими аллюзиями можно рассматривать дальше, поскольку в нем присутствует еще идея огня — сияния, горения и зажигания: *Ей в мире оставлю мою свечу... камень зеленый зажжен... Зеленый камень Ей в сердце зажгу...*», что означает переход на уровень Божественного света и огня¹³ и указывает на действие высшей силы (здесь: архангела). Эта сила известна по чудесному видению пророка Исаии, когда серафим коснулся горящим углем уст пророка (Ис. 6, 6–7). Ее вмешательство Пушкин (в «Пророке») представил значительно сильнее, заменив живое сердце пылающим углем: *И он мне грудь рассек*

¹² Самым ярким примером служит картина Г. Климта «Голая правда» (Nuda veritas) (1899) с обнаженной женщиной, держащей «зеркало истины».

¹³ Ср. [Чернышева 2012].

мечом, / И сердце трепетное вынул, / И уголь, пылающий огнем, / Во грудь отверстую водвинул. У Блока вместо угля в сердце вкладывается зажженный — сияющий — «зеленый камень», зеркальный и священнический, и, если принять его идентификацию с изумрудом, носитель истины и проводник Божественной воли.

Если у Пушкина происходит взаимодействие серафима и Поэта-пророка, то у Блока — архангела и Божественной Премудрости.

Осталось сделать последний шаг и поставить на место адресата женского рода, к которому обращается архангел, — самого Поэта.

ЛИТЕРАТУРА

Алф. — Книга глаголемая гречески алфавит. — Рукоп. БАН, Арх. д., № 446. XVII в.

Александрия — *Истрин В. М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1893.

Апокал. — Апокалипсис с толкованиями Андрея Кесарийского, на пергамене. Рукоп. Библиотеки Академии наук, Санкт-Петербург (БАН), Никол. № 1. XIII в.

Апокал.Толк. — Толкование на Апокалипсис Святого Андрея, архиепископа Кесарийского. Анонимный перевод Изд. 4-ое. М., 1901.

Епиф. Кипр. — Творения св. Епифания Кипрского. Ч. 6. М., 1884.

Изб.Св. 1073 г. — Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073 г.). Т. 3. Гръцки извори. София, 2015.

Палея Толк. — Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н. С. Тихонравова. М., 1892–1896. Вып. 1–2. XIII в., сп. 1406 г.

Палея Толк. 2012: — Палея Толковая. М.: «Согласие», 2012.

Пыляев М. И. Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление. СПб., 1888.

Сб.Кир.-Б.м. — Энциклопедия русского игумена XIV–XV вв. Сборник преподобного Кирилла Белозерского. Российская Национальная библиотека. Кирилло-Белозерское собрание, № XII / Отв. ред. Г. М. Прохоров. СПб., 2003.

СЛРЯ XI–XVII вв., 5 — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 5. М., 1978.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод и дополнения. О. Н. Трубачева. Т. II. М., 1986.

Хрон.Г.Амарт. — *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Т. I. Пг., 1920.

Чернышева М. И. Византийская и древнеславянская идея света и славы // ΘΕΟΔΟΥΛΟΣ. Сб. статей памяти проф. И. С. Чичурова. М., 2012. С. 345–360.

Чернышева М. И. Смысловая и символическая нагрузка идеи зеркала (зеркала) в переводной и оригинальной древнерусской литературе // Церковь в истории России. Сб. 11: К 70-летию Н. Н. Лисового. М.: Ин-т российской истории, 2016. С. 316–337.

Andr. Caesar. — *Andreae Caesariensis Commentarii in Joannis Theologi Apocalypsin* // *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Т. 106. Parisiis, 1863. Col. 216–457.

Epiph. — *S. Epiphanii De duodecim gemmis quae erant in veste Aaronis Liber* // J. P. Migne. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Т. 43. Parisiis, 1864. Col. 293–304.

doi:10.31912/anniversary_vinogradova_265-274